

ПЕРСОНАЖИ-ДВОЙНИКИ КАК ОБЪЕКТ (ПСИХО)ОНОМАСТИКИ¹

Васильева Наталия Владимировна

главный научный сотрудник Института языкознания РАН

Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru

В статье рассматриваются имена персонажей-двойников преимущественно в русских художественных текстах. Ставится задача обнаружить некоторые общие принципы, лежащие в основе тандемной проприальной номинации, которые используются автором текста для данного типа персонажей. Предварительно рассматривается само понятие двойника и приводятся разные типологии двойников, представленные в литературоведческих исследованиях. Самая общая типология двойников сводится к двум классам: удвоению и раздвоению. Из-за некоторой диффузности понятия «двойник» появилась потребность в терминологической дифференциации. Поэтому неслучайно некоторые языки (английский, в частности) для двойника как *alter ego* заимствовали немецкое слово *Doppelgänger*, возникшее в литературе немецкого романтизма и своей внутренней формой нагляднее манифестирующее идею мистического двойничества, чем просто *the double*. В результате анализа выбранных из текстов тандемных номинаций формулируются пять коррелятивных ономастических стратегий, отчасти обусловленных статусом двойника (т. н. двойниковая пара или расщепление сознания героя): 1) таутонимия, 2) таутонимия + модификация, 3) гетеронимия, 4) гетеронимия + аллюзия, 5) безымянность. Некоторые двойниковые пары анализируются в психоономастическом ключе (ассоциативные реакции). В заключение делается вывод, что очевидные приемы коррелятивной ономастической номинации (таутонимия + модификация) свойственны двойниковым парам, в то время как другие типы двойников требуют ономастической дешифровки с привлечением «вертикального контекста» произведения.

Ключевые слова: литературное имя собственное, персонажи-двойники, ономастические стратегии, таутонимия, гетеронимия, имена-палиндромы, психоономастика.

В статье «Образ мира русских: системность и содержание» Наталья Владимировна Уфимцева пишет: «... русскому языковому сознанию присуща своеобразная человеко-другоцентричность. Русский нуждается в другом, в человеке-друге и готов воспринимать этого другого как хорошего, близкого себе» [Уфимцева 2009: 104]. Если мы обратимся к Русскому ассоциативному словарю, то обнаружим, что

¹ Исследование выполнено в рамках Программы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», проект «Имя собственное как инструмент текстообразования (на материале современной русской прозы)»

в ассоциативно-вербальной сети ДРУГОЙ связан с ДВОЙНИК через четыре шага (S→R): ДРУГОЙ → РАЗНЫЙ → ОДИНАКОВЫЙ → ПОХОЖИЙ → ДВОЙНИК [РАС-1: 181, 542, 400, 494]. Так мы переходим к теме настоящей статьи, посвященной одному из аспектов феномена двойничества, которое «представляет собой своеобразную “минимальную” модель социума – один/другой, фиксируя как сходство/различие, так и способ связи агентов пары» [Агранович, Саморукова 2001: 25]. В статье на материале преимущественно русских художественных текстов будут рассмотрены номинативные стратегии, используемые писателями для выбора имен персонажей-двойников (чисто ономастическая проблема), а также ассоциации, возникающие у читателей при восприятии некоторых таких имен (психоономастический аспект).

Тема двойников и – шире – мотив двойничества являются к настоящему времени достаточно разработанными в теории мифа, ср. близнецные мифы [Иванов 1980], а также в философии, психологии [Брудный, Демильханова 2009] и особенно в психоанализе, ср. одну из первых работ Отто Ранка [Rank 1913/1925]. Самый пристальный интерес к мотиву двойничества обнаруживают литературоведение и семиотика кино, ср. [Bär 2005, с обширным списком литературы]. Однако в ономастическом плане для мира художественного текста эту тему нельзя считать полностью раскрытой. Нам известна только одна работа, специально посвященная именам двойников. Это большая (более 30 страниц) статья Донателлы Бремер [Bremer 2010], в которой автор рассматривает имена персонажей-двойников в текстовом пространстве западноевропейской литературы, начиная с античности, привлекая также современный кинематографический материал. По словам исследовательницы, обращение к «двойниковому» материалу с ономастической точки зрения было вызвано отсутствием такого взгляда в работах литературоведов, хотя литературоведческая библиография на тему двойников в художественных текстах поистине «безбрежна» (uferlos) [Bremer 2010: 44]. На эту работу мы будем неоднократно ссылаться как на источник примеров, поскольку, по признанию самого автора, только с помощью многочисленных примеров из западноевропейской литературы и кинематографа можно показать, какую роль играют собственные имена в произведениях, темой и/или мотивом которых являются двойник и двойничество. Выбрать же точный метод для анализа, по признанию Д. Бремер, непросто: двойники плохо укладываются в жесткую классификативную схему, хотя бы из-за того, что этот мотив включает в себе «жизненную артерию глубинной психологии» (die Lebensader der Tiefenpsychologie) [Bremer 2010: 44]. Тема эта явно вызывает к продолжению, поскольку ономастические стратегии для персонажей-двойников в работе Д. Бремер только намечены. Нашу задачу мы видим в том, чтобы выделить такие ономастические стратегии, привлекая также русский материал, а также посмотреть, возможны ли какие-либо корреляции между типом двойника и тем, как он назван, т. е. максимально сосредоточиться на ономастической сути двойников.

Для начала следует кратко остановиться на самом термине *двойник* и на типологии двойников в литературных текстах. Определения будем искать в трудах литературоведов, в которых так или иначе затронута тема двойничества. Первое, что бросается в глаза, это диффузность понятия *двойник*, что признается и самими исследователями-литературоведами: понятие «двойник» широко используется

в литературоведении, но единого понимания его не существует [Михалева 2006]. Обращение к исследованиям (преимущественно диссертационным) на эту тему показало, что расщепленное сознание героя признается слишком широким пониманием двойничества и что двойники, как правило, рассматриваются в системе персонажей произведения, это «персонажи, объединенные на основании *внешнего* и/или *внутреннего* сходства, в основе “союза” которых лежит сущностное подобие или душевное сродство» [Комова 2013: 5]. Не случайно некоторые языки (английский, в частности) для двойника как *alter ego* заимствовали немецкое слово *Doppelgänger*, возникшее в литературе немецкого романтизма (которая собственно и породила образ мистического двойника). Считается, что само слово *Doppelgänger*, впервые употребил Жан Поль в романе «Зибенкэз» (“*Siebenkäs*”), опубликованном в 1796 г. [Vardoulakis 2006: 110], и своей внутренней формой это слово нагляднее манифестирует идею мистического двойничества, чем просто *the double*. Таким образом, самая общая типология двойников сводится к двум классам: удвоению и раздвоению, т.е. либо два дублетных персонажа дополняют друг друга и являются по сути одним целым (*Бобчинский* и *Добчинский*), либо двойник возникает как проекция (раздвоение) героя (*Голядкин-старший* и *Голядкин-младший* в «Двойнике» Достоевского). Существуют более подробные перечни вариантов двойничества, например, в монографии Аглаи Хильденброк. Противопоставляя «коллективного» двойника человека (марионеток, автоматов, кукол и пр.) «человеческому» индивидуальному двойнику, исследовательница приводит перечень форм такого двойничества: 1) семейное сходство (близнецы как особый случай), 2) случайное сходство, 3) две личности в одном человеке (маска), 4) двойник как призрачная проекция «я» героя, 5) зеркальное отражение, 6) портрет, 7) «омоложенное я», 8) тень [Hildenbrock 1986: 71 сл.]. Из классификации, которой придерживается Д. Бремер, в данный перечень можно добавить еще онейрического двойника, т.е. двойника из мира сна, а также мотив реинкарнации [Bremer 2010: 59, 64]. Добавим, что псевдонимы – это тоже часть темы о двойниках. Наша задача довольно узкая – выделить максимально общие стратегии ономастической номинации, действуя с учетом текстообразующих функций, выполняемых именами. Задача узкая, но фон, на котором она должна решаться, получается весьма широким.

Одной из функций имени в художественном тексте является функция констеллирования персонажей, т.е. указание (или намек) на связанность их в ткани повествования [Lamping 1983: 58 сл.; Васильева 2009: 138-139]. Персонажи-двойники представляют собой квинтэссенцию констеллятивной функции, поскольку они изначально задуманы как связанные, однако на ономастическом уровне эта связанность не всегда бывает выражена. Поэтому список потенциальных ономастических стратегий для персонажей-двойников относительно невелик и в схематическом виде сводится к пяти типам корреляций. Для их описания мы будем использовать термины *таутонимия* – использование одного и того же имени и *гетеронимия* – использование разных имен. (Отметим в скобках, что существует и другое понимание термина *таутоним*, например, в [Донченко 2011: 13] – это тип русского антропонима с тождественными именем и отчеством: *Иван Иванович*).

1. Первая ономастическая стратегия представляет собой таутонимию (тождество имен) и в схематическом виде может быть обозначена как $A \leftrightarrow A$. Пример

– близнецы *Менехмы* в комедии Плавта «Два Менехма» («*Menaechmi*»); различные персонажей на ономастическом уровне производится с помощью топонималоказатора: *Менехм из Эпидамна* и *Менехм из Сиракуз*. Таутонимами являются *Голядкин-старший* и *Голядкин-младший* в «Двойнике» Достоевского. Это достаточно очевидные примеры. Но можно привести и менее очевидные. Так, для русских имен есть еще одна возможность таутонимической номинации, связанная с гипокористиками. Обратимся к роману В. Пелевина «Жизнь насекомых», в котором одного из героев – ночного мотылька – зовут Митя. Митю сопровождает двойник Дима. Когда Митя освобождается, наконец, от Димы, существа, которое, как он говорит, «незаметно жевало меня почти всю жизнь и сожрало почти целиком», то исчезает и сам Митя, а возникает живущий в гармонии с собой и миром Дмитрий. Таким образом, в тексте в иконическом плане обыгрываются акциденции русского личного имени (возможность идентификации личности с помощью полной формы имени и нескольких гипокористик). Интересно при этом, что полная форма имени *Дмитрий* предстает как результат слияния гипокористик *Митя* + *Дима*. Это можно назвать процессом рекомпозиции; более обычный ход – расщепление полной формы имени на гипокористики (декомпозиция).

2. Вторая ономастическая стратегия может быть обозначена как таутонимия с модификацией; в схематическом виде $A \leftrightarrow A_1$, т.е. второй член двойниковой пары является легко прочитываемой модификацией первого. Такой модификацией/трансформацией – при сохранении тождества – является палиндром.

В известной советской повести-сказке «Королевство кривых зеркал» Виталия Губарева (1951, текст см.: <http://lingua.russianplanet.ru/library/gubarev.htm>; одноименный фильм 1963) героиню зовут Оля, а ее двойника из зеркала зовут Яло.

Как тебя зовут? - всхлипывая, спросила Оля.

- Меня зовут Яло. А тебя зовут Оля?

- Правильно! - воскликнула удивленная Оля. - Как ты узнала?

- Это очень просто. Ведь я твое отражение. Значит, имя у меня такое же, как у тебя, только наоборот. Оля наоборот будет Яло. Видишь, у меня все наоборот: у тебя родинка на правой щеке, а у меня на левой.

Вторичность (отраженность) имени *Яло* никак не влияет на активность персонажа в нарративном пространстве текста. Однако в языковом отношении имя-двойник оказывается грамматически и словообразовательно слабее: имя *Яло* не склоняется и у него отсутствуют суффиксальные производные, которыми обладает имя *Оля* в прямой речи Яло, ср.:

- Как хорошо, Олечка! «Пусть тьма, пусть ночь, - шагай вперед!...» Мне совсем не страшно, Олечка!

- Мне тоже, Яло, не страшно! Мне уже совсем не страшно!

В качестве следующей разновидности этой номинативной стратегии выступает одно имя в разных языках. В упомянутой статье Д. Бремер назван фильм Кшиштофа Кеслёвского «Двойная жизнь Вероники» (фр. *La double vie de Veronique*, польск. *Podwójne życie Weroniki*, 1991; в роли обеих героинь Ирен Жакоб). Две протагонистки (и мистические двойники), которые так никогда и не встретились, похожи друг на друга, как две капли воды. Различие между ними – страны, в которых они живут, и языки, на которых они говорят – польский и французский. И вытекающая из этих обстоятельств различная форма имени: *Weronika* и *Véronique*.

3. Третья ономастическая стратегия – гетеронимия – связана с разными именами, которые носят двойники. В схематическом виде эту стратегию обозначим как $A \leftrightarrow B$. Количество примеров, которые можно привести для иллюстрации данной номинативной стратегии, зависит от того, насколько широко трактуется понятие «двойник». Если в роли двойников выступает любая пара коррелирующих персонажей (а такое понимание тоже существует), то в качестве примеров послужит почти вся мировая литература. Здесь хотелось бы отметить следующее. Несхожесть имен двойников (в соответствующем интерпретативном поле) может вывести исследователя на непрямые констеллятивные признаки, реконструируемые с помощью других персонажей. Приведем пример. В одном из самых известных «двойнических» произведений, в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры сатаны», протагонист Медард имеет двойника Викторина. На уровне имен прямая связь двойников отсутствует. Но есть второстепенные персонажи, имена которых служат ключами для раскрытия глубинных нарративных смыслов и связей. Так, можно реконструировать констелляцию *Медард - Аурелия* (важный для повествования женский персонаж) через имя *Розалия* (условная мать Медарда), имеющее то же, что и имя *Аурелия*, количество букв и ту же финаль; *Розалия* же и *Медард* (уже за пределами мира данного текста) связаны тем, что св. *Медарду* (St. Medardus, 456-545 гг.) приписывается устраивание праздника *роз* в Саленси [Bremer 2010: 54-55].

4. Четвертую ономастическую стратегию для персонажей-двойников обозначим как гетеронимию с аллюзией на первое имя или на формулу имени; схематически $A \leftrightarrow B$ (A). Этот прием используется преимущественно для типа двойников, которые выступают парой и неотделимы друг от друга. Цель такого приема – изобразить целое с помощью редупликации, сделав тем самым это целое выразительнее и объемнее. Пример - пара *Бобчинский* и *Добчинский* в «Ревизоре» Гоголя, которые повторяют и дополняют друг друга. На поверхности лежит отличие фамилий одним начальным звуком (Б – Д). Но вспомним, что и того, и другого зовут *Петр Иванович*. Получается, что не только фамилии, но и вся формула имени, т. е. ФИО целиком, различаются у этих персонажей только одним звуком. Их парность превращается в умноженность одинаковости и тем самым воспринимается как обезличивание.

Участие упомянутой формулы имени в «двойниковой игре» можно найти у В. Набокова, непревзойденного мастера языковой игры на всех уровнях текста. В романе «Машенька» есть два периферийных персонажа *Колин* и *Горноцветов*, которые упоминаются всегда вместе. В тексте они ни разу не названы по имени, только по фамилии. Однако фамилии, будучи всегда рядом, «прочитываются» как двучленная формула имени одного человека: *Коля Горноцветов*. Таким образом, формула имени (в статусе аллюзии) играет для читателя роль своего рода дешифровальной машины, позволяющей в данном случае определить место и роль персонажей-двойников в мире текста.

Пару имен двойников, особенно с формально (фонетически, структурно) выраженной связанностью, можно использовать как стимул для выявления возможных ассоциативных реакций, т. е. такие пары представляют интерес в психономастическом аспекте. А если в качестве стимулов взять прецедентные имена, то можно предположить разнообразие реакций. Мы воспользовались материалами

сайта <https://otvet.mail.ru/question/15129388>, чтобы посмотреть ответы на вопросы об именах *Чук* и *Гек* (дата обращения 17.11.2015). На вопрос, какие были полные имена этих персонажей повести Аркадия Гайдара (впервые опубликованной в 1939 г.), были получены следующие ответы: *Чукча* и *Гектор*, *чукдэрз* и *гектаррий*, *чукмек* и *гекмек*, *Чубан* и *Гектор*, *Чингачгук* и *Гекатонхейр*. Поскольку в ответах явно присутствует модус стёба, то мы не очень будем обращать внимание на смысловое наполнение получившихся биномов (здесь явно присутствует принцип, чем экзотичнее, тем круче). Сравним новые пары имен, ориентируясь на принципы русской антропонимической номинации и предполагая, что нарочитая ономастическая игра может помочь вынести на поверхность глубоко спрятанные механизмы работы ономастического сознания. Какие номинативные принципы сохраняются даже при нарочитой смысловой деконструкции онимического материала? Прежде всего мы видим, что при моделировании «полного» имени на основе имеющейся гипокористики русское языковое (ономастическое) сознание порождает более сложную, чем исходная, форму. То есть получается, что случай *Вера* (полная форма)– *Верочка* (гипокористика), *Лев* (полное имя) – *Левушка* (гипокористика) не закреплён в языковом сознании как типический. Чтобы из краткой формы имени сделать гипотетическую полную, нужно развернуть эту форму вправо, т.е. «полное» имя представляется респондентам как «краткое имя + расширение», в данном случае в совокупности дающее либо известное слово или имя, либо два окказионализма (*чукдэрз* и *гектаррий*), либо окказионализм как эхо-форму (*гекмек*). Решающую роль в деривативном процессе играет актуальная фонетическая и суперсегментная близость (аллитерация, слоги, ударение). На этом маленьком примере можно сделать вывод-наблюдение, что ступенчато моделируемые гипокористики, например, *Шура* от *Александр* (через *Саша* и *Сашура*) традиционны, но не типичны.

Фонетическая связь имен двойников как аллюзивный прием может проявиться в тексте лишь однократно, однако с большой смысловой нагрузкой. Так, в романе В.Набокова «Отчаяние» (1930) у протагониста Германа обнаруживается двойник Феликс. Эти имена не обладают фонетическим сходством, непохожи они и по своей апеллативной семантике: *Герман*, нем. двусловное имя *Hermann* < др.-вн. heri ‘войско’ + man ‘мужчина, человек’, *Феликс* < лат. felix ‘счастливый’. В непохожести имен есть, однако, особый смысл, т.к. Набоков в этом романе «живописует ложное двойничество. Двойник главного героя Германа – обычный человек по имени Феликс, а не тень героя или персонификация его затаенных желаний. Но главное отличие от романтиков состоит в том, что Феликс внешне не похож на Германа, влюбленного в собственное отражение в зеркале настолько, что с легкостью находит лелеемые в себе черты в первом встречном бродяге» [Егорова 2012: 15]. Таким образом, сходства нет, но есть значимый образ – зеркало, и этот образ получает в романе своего палиндромного «двойника» – слово *олакрез*. Одержимый идеей нарциссического двойничества, Герман-повествователь произносит фразу, в которой с помощью приема метатезы все-таки объединяются два имени: «Мне грезится новый мир, где все люди будут друг на друга похожи, как Герман и Феликс, – мир Геликсов и Ферманов, – мир, где рабочего, павшего у станка, заменит тотчас, с невозмутимой социальной улыбкой, его совершенный двойник» [Набоков, 1990: 429]. В данном контексте прием употребления имен во множественном числе при-

зван окончательно разрушить идею самоидентификации личности.

5. И наконец, пятая стратегия – безымянный двойник, в схематическом виде $A \leftrightarrow 0$ (имя $\leftrightarrow$ отсутствие имени). Обратимся к знаменитому стихотворению Г. Гейне «Doppelgänger» («Двойник») и одному из его переводов (А. Блок).

Doppelgänger (Heinrich Heine)	Двойник (перевод Александра Блока)
Still ist die Nacht, es ruhen die Gassen, In diesem Hause wohnte mein Schatz; Sie hat schon längst die Stadt verlassen, Doch steht noch das Haus auf demselben Platz. Da steht auch ein Mensch und starrt in die Höhe, Und ringt die Hände, vor Schmerzensgewalt; Mir graust es, wenn ich sein Antlitz sehe, – Der Mond zeigt mir meine eigne Gestalt. Du Doppelgänger! du bleicher Geselle! Was äffst du nach mein Liebesleid, Das mich gequält auf dieser Stelle, So manche Nacht, in alter Zeit? (1823–1824)	Тихая ночь, на улицах дрёма, В этом доме жила моя звезда; Она ушла из этого дома, А он стоит, как стоял всегда. Там стоит человек, заломивший руки, Не сводит глаз с высоты ночной; Мне страшен лик, полный смертной муки, Мои черты под неверной луной. Двойник! Ты – призрак! Иль не довольно Ломаться в муках тех страстей? От них давно мне было больно На этом месте столько ночей! (1909)

Двойник в поэтическом тексте – это тема отдельного исследования (ср. [Криницын]). Оставаясь на принятой в данной статье сугубо ономастической точке зрения, отметим, что в приведенных стихотворных безымянность двойника, на наш взгляд, относительная. Лирический герой оказывается в ситуации «распознавания образа», и результат этого распознавания/узнавания трагичен для героя-созерцателя, который видит в созерцаемом себя самого: *Der Mond zeigt mir meine eigne Gestalt; Мне страшен лик, полный смертной муки, Мои черты под неверной луной*. Поэтому восклицание в следующей строке (*Du Doppelgänger!* у Гейне и *Двойник!* в блоковском переводе) вполне можно считать окказиональной прагматической проприализацией. Имя нарицательное *двойник* проприализируется, т. е. получает в данной конкретной ситуации признаки собственного имени: определенность и единственность для адресата, находящегося в координатах «здесь и сейчас».

Таким образом, о прямой зависимости типов двойников и типов их имен говорить сложно. Можно наметить лишь определенные доминантные стратегии ономастической номинации, которые мы постарались сформулировать выше. На поверхности находятся так называемые двойниковые пары, или дубли (*Бобчинский, Добчинский*), имена которых демонстрируют максимальное сходство. Хорошо «вычислимы» и зеркальные двойники, носящие имена-палиндромы. Другие типы двойников требуют ономастической дешифровки, связанной с привлечением «вертикального контекста» произведения.

Литература

- Агранович С.З., Саморукова И.В.* Двойничество. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. 132 с.
- Брудный А.А., Демильханова А.М.* Феномен двойника и «стадия зеркала» // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 42-55.
- Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М.: Либроком, 2009. 224 с.
- Донченко А.С.* Семантико-стилистические особенности антропонимикона пьес Н.В.Гоголя и А.П.Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.
- Егорова Е.В.* Игра слов в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Русская речь. 2012. № 2. С. 14-20.
- Иванов Вяч.Вс.* Близнечные мифы // Мифы народов мира: В 2 т. Т. 1. М.: БРЭ, 1980. С. 174-176.
- Комова Т.Д.* Двойники в системе персонажей художественного произведения (на материале западноевропейской и русской литературы XIX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 2013. 23 с.
- Криницын А.Б.* Мотив двойника в русской поэзии // Образовательный портал «Слово». Режим доступа: URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/47576.php> (дата обращения: 14.03.2015).
- Михалева А.А.* Герой-двойник и структура произведения: Э.Т. Гофман и Ф.М. Достоевский: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 36 с.
- Набоков В.* Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М.: Правда, 1990. 479 с.
- РАС-1: Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин. М.: Астрель; АСТ, 2002. 784 с.
- Уфимцева Н.В.* Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. №4. С. 98-111.
- Bär G.* Das Motiv des Doppelgängers als Spaltungsphantasie in der Literatur und im deutschen Stummfilm. Amsterdam / New York: Rodopi, 2005. 718 S.
- Bremer D.* Der Doppelgänger und sein Name // Namenkundliche Informationen. H. 97. 2010. S. 41-73.
- Hildenbrock A.* Das andere Ich. Künstlicher Mensch und Doppelgänger in der deutsch- und englischsprachigen Literatur. Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1986. 285 S.
- Lamping D.* Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. Bonn: Bouvier, 1983 (=Wuppertaler Schriftenreihe Literatur, 21). 135 S.
- Rank O.* Der Doppelgänger. Bremen: Dogma, 2003 (1925). – 124 с.
- Vardoulakis D.* The Return of Negation: The Doppelgänger in Freud's «The Uncanny» // SubStance. 2006. Vol. 35. No 2. 110-116.

DOPPELGANGERS IN FICTION AS AN OBJECT OF (PSYCHO) ONOMASTIC STUDIES

Natalia Vladimirovna Vasilyeva

chief research associate

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

B. Kislovsky per., d. 1, str. 1

e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru

The paper deals with proper names of characters and their doppelgangers mainly in Russian fiction. The main goal is to find out some general strategies peculiar to doppelgangers' proprial field. But before the notion and the term *doppelganger* (German *Doppelgänger*) are considered with regard to the literary criticism position. As result of the study five correlative onymic strategies are formulated due to doppelganger's type (character's double or splitting of the hero's consciousness): 1) tautonymy, 2) tautonymy + modification, 3) heteronymy, 4) heteronymy + allusion, 5) namelessness. Psychoonomastic approach also is partly used in order to demonstrate readers' reaction to some well-known doppelgangers' proper names. As conclusion the author draws attention to the fact that the obviously demonstrable onymic strategies (tautonymy + modification) are peculiar to character's doubles, whereas other types of doppelgangers require decoding of their names with a large amount of philological tools.

Keywords: characters' and their doppelgangers' proper names, onymic strategies, tautonymy, heteronymy, onymic palindromes, psychoonomastic approach

References

- Agranovich S.Z., Samorukova I.B.* Dvoynichestvo [The phenomenon of duality]. Samara, Samarskiy universitet, 2001. 132 p.
- Bär G.* (2005). Das Motiv des Doppelgängers als Spaltungsphantasie in der Literatur und im deutschen Stummfilm. Amsterdam / New York: Rodopi. 718 S.
- Bremer D.* (2010). Der Doppelgänger und sein Name. Namenkundliche Informationen. H. 97. 41-73.
- Brudnyy A.A., Demil'khanova A.M.* Fenomen dvoynika i «stadiya zerkala» [The phenomen of doppelganger and «mirror stage»]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* – [Historical psychology and sociology], 2009, no. 2, pp. 42-55.
- Donchenko A.S.* Semantiko-stilisticheskie osobennosti antroponimikona p'es N.V.Gogolya i A.P.Chekhova [Semantic and stylistic characteristics of anthroponyms in the theatrical plays by Gogol and Chekhov: abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 2011. 24 p.
- Egorova E.V.* Igra slov v romane V. V. Nabokova «Otchayanie» [Word play in the novel «Despair» by Vladimir Nabokov]. *Russkaya rech'* – [Russian speech], 2012, no.2, pp. 14-20.
- Hildenbrock A.* (1986). Das andere Ich. Künstlicher Mensch und Doppelgänger in der deutsch- und englischsprachigen Literatur. Tübingen: Stauffenburg-Verlag. 285 S.

Ivanov Vyach. Vs. Bliznechnye mify [Twin myths]. Mify narodov mira – [Myths of the peoples of the world]. Moscow, vol. 1, pp. 174-176.

Komova T.D. Dvoyniki v sisteme personazhey khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale zapadnoevropeyskoy i russkoy literatury XIX v.) [Doppelgangers in characters' system; the case of West European and Russian fiction of the 19th century: abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 2013. 23 p.

Krinityn A. B. Motiv dvoynika v russkoy poezii [The doppelganger motif in Russian poetry] URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/47576.php> (14.03.2015).

Lamping D. (1983). Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. Bonn: Bouvier. 135 S.

Mikhaleva A. A. Geroy-dvoynik i struktura proizvedeniya: E.T.A. Gofman i F.M. Dostoevskiy [Doppelganger as character and the structure of the novel: E. T. A. Hoffmann and F. Dostoevsky: abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 2006. 36 p.

Nabokov V. Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh. T. 3. Moscow, Pravda, 1990. 479 p.

Rank O. (2003/1925). Der Doppelgänger. Bremen: Dogma. 124 S.

RAS-1: Russkiy assotsiativnyy slovar': v 2 t. T. 1. Ot stimula k reaksii / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, Yu.A. Sorokin. [Russian Associative Dictionary. Vol. 1: From stimulus to reaction]. Moscow, Astrel', AST, 2002. 784 p.

Ufimtseva N. V. Obraz mira russkikh: sistemnost' i sodержanie [World image of Russians: systematicity and content]. Yazyk i kul'tura – [Language and culture], 2009, no. 4, 98-11.

Vardoulakis D. (2006). The Return of Negation: The Doppelganger in Freud's «The Uncanny». SubStance. Vol. 35. No 2. 110-116.

Vasil'eva N. V. Sobstvennoe imya v mire teksta [Proper name in the world of texts]. Moscow, Librokom, 2009. 224 p.

